

БЫЛА ЛИ РАННЯЯ ЦЕРКОВЬ ПАЦИФИСТСКОЙ?

ПО УБЕЖДЕНИЮ ИСТОРИКА РАННЕЙ ЦЕРКВИ Джона Кадо, до 172 года н.э. не существует каких-либо достоверных сведений о христианах, служащих в армии^[1]. Мнение Кадо не является исключительным, поскольку его разделяют и другие историки, например, Наттол и Бейнтон^[2]. Однако в литературе можно встретить возражения тем выводам, к которым пришли эти исследователи. Например, в Википедии встречаем следующее утверждение: «При этом пацифизм не являлся преобладающим направлением в жизни раннехристианской церкви. Примечательно, что нет ни одного известного источника какой-либо христианской церкви об отлучении или епитимьи, наложенной на конкретного члена церкви за то, что он был воином».^[3] Тем не менее, факт отсутствия епитимии за участие христиан в войнах может быть объяснен как раз наличием пацифистских убеждений у большинства христиан того времени, что лучше отвечает реальности. В любом случае, нам неизвестны какие-либо споры, ведущиеся между сторонниками пацифизма и милитаризма.

^[1] C. John Cadoux, *The Early Christian Attitude to War* (N.Y.: Seabury Pr., 1982; 1st pub. 1919), pp. 228-229.

^[2] Geoffrey Nuttall, *Christian Pacifism in History* (Berkeley, Calif.: World Without War Council, 1971); Roland H. Bainton, *Christian Attitudes toward War & Peace: A Historical Survey and Critical Reevaluation* (Nashville, Tenn.: Abingdon Pr., 1960).

^[3] Пацифизм / Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Это значит, что подавляющим было либо одно, либо другое мнение, но не оба вместе. Вызывает сомнение и следующее заявление Википедии: «После обретения христианами государственной власти при Константине Великом, пацифизм почти исчез из сферы церковной мысли и практики».^[4] Тем не менее, Дэвид Б. Копел в своей статье под названием «Христианский пацифизм до Константина» делает следующее заключение:

«Тщательное изучение доступных исторических источников не поддерживает притязания современных пацифистов на то, что доконстантиновская христианская церковь был пацифистской церковью. Среди ранних христианских авторов имелись те, которые были пацифистами, и те, которые ими не были, а некоторые занимали промежуточное положение, которое отличалось как от личного отказа использовать военное насилие, так и от поддержки, как хороших граждан, этого насилия. Фактические данные, касающиеся практики мирян, показывают, что христиане служили в римской армии с самых первых дней существования церкви, как это подтверждает Новый Завет. Доказательства свидетельствуют о том, что до Константина пацифизм занимал законное положение среди христиан, однако другие христиане могли и действительно имели другие позиции, либо в своих сочинениях, или в личной практике».^[5]

Так кто же из исследователей прав, говоря о преобладающем мнении в Ранней церкви по военному вопросу?

^[4] Там же, со ссылкой на: Christian Pacifism before Constantine by David B. Kopel.
^[5] см. David B. Kopel. Christian Pacifism before Constantine, January 2008 / [http:// works.bepress.com/david_kopel/7](http://works.bepress.com/david_kopel/7)

Был ли пацифизм лишь маргинальным ответвлением в ее вероисповедании или же главенствующим? Исчез ли он совсем с приходом Константина? Откуда он появился и каким образом исчез? Чтобы ответить на эти вопросы, нам предстоит выяснить, были ли среди первых христиан милитаристы и насколько большим было их влияние на учение и практику доконстантиновской церкви. Когда нам станет это ясно, мы сможем сравнить между собой присутствие в Ранней Церкви милитаристских и пацифистских убеждений, чтобы установить, кому же следует отдать перевес. Разбору этих вопросов и посвящается нижеследующая статья.

На чьей стороне были Иисус Христос и Его апостолы?

■ Пацифистские утверждения Нового Завета (напр. Мф. 5:38-48; 1 Пет. 2:13-23; 3:9-18; Рим. 12:17-21) известны всем, но как быть с милитаристскими? С виду кажется, что некоторые тексты Писания могут быть истолкованы по-милитаристски. Поскольку же Христос не мог противоречит Самому Себе, следует дать им пацифистское объяснение. Первым текстом является: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Мы признаем, что греческое слово «махайра» не имеет других (альтернативных) значений, однако контекст этих слов (ст. 34-36) указывает на использование его Христом в сугубо переносном смысле, т.е. в значении «разделения», причем понимаемого совершенно в пассивном, а не провокационном плане. Если бы Христос действительно призывал к использованию меча, это настроение было бы более заметно во всем Его

поведении и учении, чем это имело место в реальности. К тому же неясно, почему, призывая к насилию, Христос нигде не оговорил его условия, поскольку именно этого следовало бы ожидать в случае правоты милитаристского понимания данного Его выражения.

В Евангелии от Луки мы встречаем также следующий призыв Христа: «...продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22:36). Тем не менее, сказанное имеет прямое отношение к исполнению пророчества, записанного в тексте Ис. 53:12: «и к злодеям причтен был». Это был символический акт Христа, предоставляющий Его врагам формальный повод для Его осуждения на смерть. Никакого призыва к употреблению насилия он в себя не включал, что доказывается следующими событиями и содержанием слов Христа, обращенных к Петру, пожелавшему использовать этот же меч по его прямому назначению: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Мф. 26:52-54; ср. Ин. 18:10). Стало быть, Христос этим необычным поручением лишь испытывал чувства Своих учеников, но не побуждал их к Его защите.

Было много попыток переиначить смысл слов Христа о подставлении другой щеки противнику (Мф. 5:39). Например, самой интересной является следующая версия. Очевидно, что ударить по правой щеке правой рукой можно только наотмашь. Это — удар вышестоящего, так хозяин мог ударить раба или чиновник служащего. А если подставить другую щеку — это

значит перевести отношению на линию равенства, так как таким образом бьют друг друга равные люди. Несмотря на свою оригинальность, данная трактовка слов Христа ничего не изменяет, поскольку вторая щека (какая бы она ни была) все же была подставлена под ожидаемый второй удар. В чем же смысл этого «равного» подставления щеки?

Очевидно, что здесь мы можем наблюдать более зрелый (не рабский) пацифизм, а не такой, как у евреев, готовых смириться временно, чтобы найти лучший повод для мести. Представление же о том, что это оскорбление, или личное оскорбление — все равно несколько не умаляет авторитетность пацифизма, поскольку все войны начинаются по справедливой, т.е. оскорбительной причине, зачастую личной — отобрать у других то, что должно принадлежать лично мне. Неслучайно Сам Христос не оговаривает никаких условий для применения этих Своих слов. Напротив, Он требует от Своих последователей отказаться даже от гнева по отношению к их врагам, что не в силах регламентировать никакой закон.

Некоторые же возражения учению Христа о непротивлении, просто смехотворны: например, изгнание из храма людей и скота при помощи бича, изготовленного из обыкновенного перевязочного материала — веревка (!). Вот это насилие! Очевидно, что трудно доказать, что Христос изгонял из храма этим бичом из веревки именно людей, а не скот. Более вероятным является именно мнение, полагающее, что изгонять людей при помощи бича было бы делом весьма неэффективным (очень уж слабое оружие выбрал Христос); тогда как изгнать животное без бича фактически

ки невозможно, а к оружию оно тем более не восприимчиво. Из всего ближайшего окружения Христа среди милитаристов мы видим лишь бывшего зелота Симона, очевидно, оставившего свою повстанческую деятельность, и Петра, использовавшего меч лишь однажды и то явно против Божьей воли.

Итак, в пользу мнения о том, что Иисус Христос был милитаристом, нет решительно никаких евангельских свидетельств. Учение и жизнь апостолов Христа также свидетельствуют о том, что все они были пацифистами. Красноречивый тому пример — мученическая смерть Стефана, по примеру Христа, молящегося за своих убийц, а не проклинающего их или устрашающего Божьим судом (Деян. 7:59-60). Кроме того, царь Ирод Агриппа без каких-либо затруднений и проблем арестовал апостола Иакова и казнил (Деян. 12:2). Никто из первых христиан не воспротивился этому беззаконию. Видя, что это угодно народу, он арестовал и Петра, чтобы казнить и его, но после Пасхи. И снова-таки, мы видим церковь Христа не строящую планы справедливого воздаяния, а молящуюся в полном уповании на Бога (Деян. 12:5, 12). Единственное, что предпринимают апостолы в условиях гонений, это бегут в другие места. И даже когда они оспаривают какие-то действия властей, все это происходит в рамках, как мы сегодня говорим, пассивного гражданского сопротивления, а не в рамках милитаристского поведения. Фактически, по этому пути пойдут последующие поколения христиан.

Важно понять, как первые христиане объясняли свой поворот от ветхоза-

ветного милитаризма к новозаветному пацифизму: «Ибо некогда требовали: «око за око», и «зуб за зуб» (см. Исх. 21:24), и воздавали злом за зло; не было еще на земле терпения, ибо отсутствовала вера, и нетерпение в это время употребляло в свою пользу благовидные предлоги, представляемые законом. Это легко было, ибо не

В пользу мнения о том, что Иисус Христос был милитаристом, нет решительно никаких евангельских свидетельств. Учение и жизнь апостолов Христа также свидетельствуют о том, что все они были пацифистами.

пришел еще Господь и Учитель терпения. А после того, как Он явился и умножил благодать веры терпением, не позволительно уже ни словом оскорблять, не подвергаясь опасности осуждения (см. Мф. 5:22). Воспращен гнев, сдержано негодование, обуздано своеволие рук, изъят яд языка; закон более приобрел, нежели потерял, когда Христос говорит: «любите врагов ваших, и благословляйте клянущих, и молитесь за гонителей ваших, да будете сынами Отца вашего небесного» (см. Мф. 5:44—45). Видишь, какого Отца приобрело нам терпение! В этом основном наставлении содержится все учение о терпении, ибо не позволено творить зло даже по добрым побуждениям».^[6]

По их мнению, переход от Ветхого Завета к Новому сопровождался весьма радикальными изменениями, выраженными Христом с помощью фразы: «А я говорю вам...»

^[6] Тертуллиан. О терпении. Гл. 6.

Тогда на какой «новозаветный» милитаризм могли опираться первые христиане? Нам трудно найти основания для такого убеждения в Новом Завете. Из четырех случаев упоминания в нем воинов, мы находим обращенными в христианство только двух солдат — Корнилия и филиппийского стража, однако о последующей их судьбе нам ничего неизвестно. Можно ли из этой неизвестности сделать милитаристские выводы? Никак. Мало того, эту неизвестность легче объяснить общепризнанностью пацифизма ранних христиан, чем их милитаризма. Признай милитаристское объяснение этого умолчания, и тут же придется объяснить, как было возможно сочетать веру в миротворчество Христа с принципом насилия, присущим римской армии, не говоря уже о неизбежности почитания культа императора.

Свидетельство же Павла о том, что «начальник есть Божий слуга», который «не напрасно носит меч» (Рим. 13:4), не имеет никакого отношения к участию христиан в осуществлении государственных функций, но, напротив, призывает их покоряться «всякой» власти, включая и злую, в смысле отказа от вооруженной борьбы.

Все это вместе взятое свидетельствует в пользу того, что идея христианского милитаризма была нонсенсом для Ранней Церкви доконстантиновской поры.

Когда христиане начали служить в римской армии?

■ Теоретически, христиане могли служить в армии лишь в периоды спада преследований на них со стороны римских властей. Как нам известно, массовых гонений на христиан не было лишь в два сравнительно больших периода: с 180 по 202 и с 211 по

250 годы н.э. Исследователи истории Ранней Церкви согласны в том, что первые упоминания о христианских воинах относятся лишь к 172 г. н.э., т.е. к концу правления императора Марка Аврелия (161–180 гг. н.э.), который, кстати, предпринял самые жестокие до того времени преследования христиан, во время которых были замучены Поликарп Смирнский (166 г. н.э.) и Иустин Мученик (ок. 165 г. н.э.), причем в Галлии эти гонения продлились до 177 года н.э. Правда, в течение пятидесяти лет (после Трояна до Аврелия) мы не имеем каких-либо сведений о преследованиях христиан, но также нет никаких данных и об их службе в римском войске, хотя это было бы самым удобным временем для их нахождения там.

Данному мнению пока противостоит лишь один «исторический» факт: великомученик Евстафий был обращён в христианство, будучи на воинской службе полководцем («стратилатом»). Затем он продолжил служить, воевал и был казнен в 118 году. Однако происхождение этой истории невозможно доказать письменными свидетельствами, ранее седьмого века н.э. К тому же, если признать, что данное предание в общих чертах верно, из него самого видно, что Евстафий крестился со своей семьей тайно. В пользу данного мнения свидетельствует тот факт, что он был замучен при Адриане, отказавшись приносить жертву императору. Это означает, что до этого времени, он эти жертвы приносил, боясь преследований. «Плакида (Евстафий) тайно крестился вместе со всей семьей у иерея Иоанна»^[7]. Стало быть, он не разглашал свои христианские убеждения и впредь. Кроме того, само предание свидетельствует о том, что Плакида

все же оставил службу, бежав в Египет от разразившегося мора, и кормил свою семью, работая на поле. Но когда через пятнадцать лет, по приказу Траяна, его стали искать, он пытался скрыться, но его узнали по шраму на шее. Когда ему вручили послание императора, требовавшее от него прибыть в Рим и принять участие в войне с варварами, он согласился.

Наконец, большое число свидетельств этого предания следует признать неправдоподобными. Например, Евстафий не узнал своих сыновей, когда они были доставлены в его армию в качестве новобранцев, хотя и взял их в свою личную охрану. Или: рассказывая о своем детстве, два брата не узнали друг друга. Не случайно, та же энциклопедия утверждает: «Некоторые болландисты вообще сомневаются в существовании такого святого и считают его литературным персонажем». По крайней мере, ни в одном историческом исследовании пацифизма эта личность не фигурирует в качестве доказательства того, что первые христиане служили в армии — даже в таком антипацифистском, как «Христианский пацифизм до Константина» Дэвида В. Копела.^[8]

У нас нет уверенности в истинности даже первого упоминания о христианских воинах времени Марка Аврелия. По свидетельству Евсевия^[9], на четырнадцатом году своего правления Марк Аврелий прекратил гонения на христиан, вразумившись чудом: по молитвам христианских воинов неожиданно пошел дождь, утоливший жажду всего войска Марка Аврелия и

поразивший молнией его врагов. Но как они могли служить в войске того императора, который преследовал христиан, ведь они рисковали стать палачами своих же братьев? В своем труде «Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом» А.П. Лебедев пишет об этом следующее:

«Что действительно в названной войне Марка с маркоманнами и квадами произошло событие необычайного характера — спасение войска от жажды благодаря дождю, — это несомненно. Об этом согласно говорят и языческие, и христианские писатели. Но, чтобы император Марк приписывал это спасение молитве христианских воинов — это доказано быть не может. Язычники спасение войска приписывали действию своих богов. Сам Марк подобное убеждение высказал в том, что приказал вычеканить монеты, на которых Юпитер изображен поражающим молниями врагов; тот же император в своих «саморазмышлениях» приписывает свою победу над квадами именно богам и Фортуне. Другие язычники приписывали происшествие их богам, их Юпитеру, молитвам императора или языческого войска. Существовали, наконец, изображения, на которых император представлен молящимся, а войско собирающим дождь в свои каски. Значит, император, отнюдь, сказанного события не мог приписывать христианам»^[10].

Однако на это же событие ссылаются Апполинарий и Тертуллиан со слов

^[7] Электронная Православная энциклопедия. — Т. 17.

^[8] см. David B. Kopel. Christian Pacifism before Constantine, January 2008 / http://works.bepress.com/david_kopel/7

^[9] Евсевий. Церковная история, 5.5.

^[10] А.П. Лебедев. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. См. интернет-ресурс «Азбука веры».

Евсевия? Лебедев отвечает на это следующим:

«Христианские писатели не имеют достаточных оснований для своего утверждения. Аполлинарий Иерапольский, по Евсевию, основывает свое мнение на том, что один легион — мелитинский, носил название громоносного (Евсев. V, 5) — *fulminatrix*, но такое название легиону дано не при Марке, оно встречается еще во времена Августа, да и произошло оно не от *fulmen* — молния, а от города *Fulminea Melitena*, так как вообще в древности название легионам давалось от местностей, где вербовались солдаты. Тертуллиан же в своей «Апологии»^[11] основывает свое мнение на том, что с именем Марка ходило послание, в котором будто бы данное чудесное событие приписывалось молитвам христианских солдат, но это невозможно, чтобы Марк приписывал событие действию молитв христианских солдат, когда из других источников несомненно известно, что он приписывал событие действию языческих богов и своих молитв. По всей вероятности, Тертуллиан в самом деле имел под руками послание Марково, но в нем говорилось вообще, что солдаты спаслись от гибели молитвами, а Тертуллиан в своих целях, именно как апологет и ходатай за христиан, в солдатах, о коих упоминал Марк, увидел христиан-солдат»^[12].

Итак, все три свидетельства о христианских воинах времен Марка Аврелия оказываются недостоверными, как, впрочем, и сам факт прекращения им гонений на христиан. Если же учесть, что даже первые упоминания о мученичестве (по Евсевию, пяти)^[13] хрис-

тиан за их пацифистские убеждения относятся к середине третьего столетия (при Деции) и могут быть прослежены вплоть до правления Диоклетиана в начале четвертого века, то сомневаться в пацифизме первых христиан не приходится. Конечно, Лактанций упоминает о христианских воинах в войске Диоклетиана (разумеется, того периода, когда тот еще не начал преследовать христиан), однако, по их поведению видно, что они шли на компромисс со своей верой, осеняя себя крестным знаменем при совершении жертвоприношений императору.

Указывают также на монаха Пахомия Великого (ок. 292 — ок. 348), который после своего обращения в христианство, якобы, не оставил службы в римской армии. Однако в действительности Пахомий крестился лишь после окончания своей службы в римской армии. По крайней мере, Википедия пишет о нем следующее: «Будучи ещё язычником, поступил в армию Константина Великого солдатом. В ходе военных действий в 312 году, его подразделение было тепло встречено христианами, сохранявшими нейтралитет. Там Пахомий познакомился с христианством, и именно с той поры постепенно стал склоняться к этой религии. После окончания военных действий крестился. Основал первый христианский общежительный монастырь и составил для него первый монастырский устав».^[14]

Впрочем, мы не можем отрицать того, что среди первых христиан были и те, кто обратился в христианство не официально, а тайно. Идя на компромисс со своей верой, они не желали убивать

[11] Тертуллиан. Апология. Гл. 5.

[12] Там же.

[13] Евсевий. Церковная история. 6.41

[14] Пахомий Великий / Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

и в то же самое время полностью порывать с армией, предоставляющей им возможность безбедного существования и даже определенные преимущества.

Все эти доводы отодвигают начало появления христианского милитаризма еще дальше от первоапостольской эпохи, приблизив его вплотную ко времени становления христианства в качестве официальной религии римской империи. А значит не только богословский, но «исторический» аргумент в пользу убеждения об оригинальном происхождении христианского пацифизма невозможно снять со счетов. При этом мы отдаем себе отчет в том, что в доконстантиновскую эпоху пацифистские идеи обычно смешивались с религиозными, так что из общего числа причин отказа в участии в войнах вычленить первые было затруднительно.

Милитаристские свидетельства ранних отцов Церкви

■ Сугубо милитаристских свидетельств в сочинениях отцов Церкви доконстантиновской поры мы вообще не находим: у нас имеются лишь данные о службе некоторых христиан в римской армии. Впрочем, неопределенность их формулировок позволяет толковать эти данные по-разному: отказ служить в армии объясняется либо пацифистскими убеждениями, либо религиозными, но чаще всего и теми, и другими вместе. Выкристаллизовать сугубо пацифистские утверждения из этой смеси идей не всегда удается.

Самым известным указанием о возможности совмещения христианской

веры с воинской службой является свидетельство, содержащееся в трактате Тертуллиана «О венке воина», описывающем случай отказа одного воина христианина принять подарок императора с возложением языческого венка на голову. Это свидетельство относится к 211 году н.э. Примечательно, что сам Тертуллиан вполне оправдывает поведение этого христианина, допуская возможность его присутствия в римской армии лишь на условии, что он уверовал, будучи воином. Вступать же в армию после уверования, Тертуллиан считает немыслимым делом для всех христиан^{115]}.

В этом трактате Тертуллиан дает недвусмысленно понять, что христианский воин, отказывавшийся от ношения венка, служил в армии на приемлемых для него условиях, а не так, как это совершалось обычно. Это видно из того, что в самом начале трактата (гл. 1, пар. 1) он называет описываемого христианина «более стойким, чем его братья». Это значит, что, по мнению автора, другие христиане-воины, по крайней мере отчасти, не были стойкими в вере, т.е. делали недопустимые уступки светской власти. В конце десятой главы (гл. 10, пар. 10) Тертуллиан повторяет ту же мысль: «даже если и есть некоторые [христиане], чей пример ставят нам в упрёк». Иными словами, Тертуллиан выступил в защиту христианского воина, отказавшегося носить венок, и попытался объяснить присутствия в армии «других» христиан, которые считали вполне приемлемым носить языческие венки, их боязнь перед возможным мученичеством.

Это объясняет почему, Тертуллиан вначале объясняет отказ надеть венок религиозными, а не пацифистскими

^{115]} Тертуллиан. О венке воина. Пар. 11.

соображениями, и только позже (и то вскользь) упоминает последние: «Теперь, перед тем, как приступить к [рассмотрению] причин [использования] солдатских венков, я считаю необходимым тщательно изучить вопрос: подобает ли христианину вообще заниматься военным делом?» (гл. 11, пар. 1). В числе сугубо пацифистских возражений Тертуллиан перечисляет следующие: несовместимость двух клятв — кесарю и Богу, поскольку Бог требует полнейшего послушания и верности Себе; отречение от близких, интересы которых воинская клятва подчиняет военным интересам; запрет на использование меча; нарушение принципа христианского миротворчества; несовместимость справедливого наказания и сверхсправедливой милости; соблюдение заповеди не мстить и не обижаться в ответ на причиненное зло.

Для нас важны особенно последние причины: «Допустимо ли вести жизнь меченосца, в то время как Бог возвещает, что тот, кто воспользуется мечом, от меча и погибнет? И может ли сын мира участвовать в битве, если ему не положено [даже] ссориться? И [как] он будет ввергать в узы и в тюрьму, пытать и приводить в действия наказания, когда он не [должен] сам мстить за нанесённые ему обиды?» (гл. 11, пар. 2). Итак, пацифизм ранних христиан и в изложении Тертуллиана был основан на констатации непримиримого конфликта двух видов власти — духовной и государственной, поскольку: 1) оба требовали безоговорочного послушания и 2) отдельные их требования были несовместимы друг с другом. Эту мысль Тертуллиан излагает вполне ясно: «И потребует ли приказа от

своего командира тот, кто уже получил его от Бога?» (гл. 11, пар. 3)

Иными словами, первые христиане проявляли снисхождение к тем, кто не оставлял свою службу в римской армии, но обуславливал эту службу требованиями христианской веры. К тому же, Тертуллиан отрицательно относится к пребыванию в римской армии христиан, находящихся на высоких постах, поскольку это сопряжено с более сильным идолопоклонством, чем то, которое требовалось от простых воинов. Итак, перед нами первое достоверное свидетельство о совмещении христианской веры и воинской обязанности, относящееся к началу третьего века. Является ли оно исключением или правилом — в этом нам еще предстоит разобраться.

И все же свидетельство Тертуллиана содержит не только религиозное, но и пацифистское содержание. Так, он считает неприемлемым для христианина суд командира над его воинами, а также возможность принятия наград за убийство на войне. Так, о последнем он пишет следующее:

«Из чего он (венки победителя) свит? Лавровые ли это листья, и скорее не трупы ли это? Чем он украшен? Ленты победы это, или скорее не могильные ли холмы? Чем он орошен? Мазь это, или скорее не слезы ли, пролитые супругами и матерями, может быть даже и христианскими, так как христианство распространилось уже и между варварами»^[16].

В том же трактате Тертуллиан высказывается еще более пацифистски: «Как может христианин участвовать в войне и может ли служить даже в мирное время? ... Может ли сын мира быть втянут в битву, если для него незаконно идти на войну»^[17].

^[16] Там же. Пар. 11.

Наконец, в другом своем сочинении Тертуллиан объявляет убийство одним из смертных грехов, потому для христианина лучше самому быть убитым, чем убить другого^[18]. Все это свидетельствует в пользу того, что Тертуллиан понимал присутствие христиан в римской армии только на условии воздержания от убийства других людей. Иначе, его учение по военному вопросу придется признать внутренне противоречивым.

непосредственного участия в них. Например, в правление Диоклетиана в Мавритании центурион Марцелл не только отказался принести жертву императору и языческим богам, но на допросе прямо заявил о своем пацифизме: «Не должно сражаться за брэнную суету христианину — человеку, являющемуся божьим воином»^[20]. В то же самое время отказался от несения воинской службы новобранец Максимилиан, заявив о том, что

Тертуллиан допускал присутствие христиан в римской армии только на условии воздержания от убийства других людей и если они уверовали уже будучи воинами.

Вступить же в армию после уверования, Тертуллиан считает немислимым делом для всех христиан.

Поскольку пацифистское мнение Тертуллиана нигде и никем не осуждалось в Ранней Церкви, нам следует признать его общепринятым вплоть до середины третьего века, когда ситуация начинает меняться. Свидетельства присутствия христиан в римской армии в это время являются более многочисленными, так что даже сам Тертуллиан был вынужден признать, что его единоверцы наполняют военные лагеря^[19]. Тем не менее, присутствие христиан в армии не означало их отказа от пацифизма, допускающего возможность службы при невозможности самого убийства.

В пользу этого мнения свидетельствует тот факт, что во времена гонений христианские воины принимали мученичество, выражая свое полное осуждение войн и необходимость

христианину нельзя воевать, хотя и признал, что некоторые христиане делают это^[21]. Это говорит в пользу того, что командование высоко ценило христианских воинов и центурионов и по этой причине смотрело на их пацифизм, по крайней мере в мирное время, сквозь пальцы. В любом случае, христиане уживались с воинскими порядками в римской армии с большим трудом и не без мучений совести.

Кроме того, что христианских воинов ценили за их честность и порядочность, существовало сугубо христианское оппортунистическое мнение о возможности несения ими воинской службы в мирное время, т.е. без необходимости убивать, но с возможностью ареста преступников. Так, в 16-м каноне Ипполита (II в.) значится, что

^[17] Там же. Пар. 19.

^[18] Тертуллиан. Апология. Пар. 39.

^[19] Тертуллиан. Апология. Пар. 37.

^[20] Деяния св. Марцелия. Пар. 4; цит. по:

Ruinart P. T. Acta Martyrum. Ratisbonae, 1859. P. 343-344.

^[21] Деяния Максимилиана Мученика; цит. по: Ruinart P. T. Op. cit. P. 340-342.

«солдата, находящегося на государственной службе, следует учить не убивать людей и отказываться делать это, если ему приказано»^[22]. Считалось, что солдат-христианин вправе выполнять лишь полицейские функции, в согласии с тезисом апостола Павла: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч...» (Рим. 13:4). Иными словами,

---

Тертуллиан объявляет убийство одним из смертных грехов; потому для христианина лучше самому быть убитым, чем убить другого.

эта позиция позволяла верующим брать оружие лишь в целях устрашения преступников, но не реального их убийства.

Именно этот принцип соблюдали все христианские воины на практике не только до Константина, но и после него. Например, Мартин из Тура (будущий епископ этого города), став христианином, прослужил в армии еще два года. Когда же в 336 году н.э. его легион был отправлен на войну, он отказался участвовать в битве, ссылаясь на то, что он христианин. Будучи обвинен командиром в трусости, он заявил, что готов встать лицом к лицу с варварским войском, но не с оружием, а с крестом в руках^[23]. По этой же причине, когда император Константин стал покровительствовать христианству, церковный собор 314 года в Арле вынес решение: «...лишать об-

щения тех, кто бросает оружие в мирное время»^[24]. Несмотря на некоторую уступчивость оппортунистической позиции, мы все равно должны признать ее пацифистской.

В пользу распространенности именно пацифистских идей до начала третьего века свидетельствует произведение Оригена «Против Цельса», поскольку Цельс осуждал христиан за отказ служить в римском войске. Примечательно, что сам Ориген не оправдывает ни милитаристскую, ни оппортунистическую позицию, но предпочитает воевать за императора при помощи духовного оружия — христианских молитв. Иными словами, он придерживается того же мнения, что и Тертуллиан, и возможно, даже более строгого, чем у последнего, поскольку даже не упоминает какую-либо возможность присутствия христиан в римской армии.

Если бы христианский милитаризм получил большое признание среди первых христиан, как могли бы появиться в середине третьего века такие слова Оригена:

«Цельс и его единомышленники не могут указать среди христиан, собственно, ни одного мятежного деяния. И если бы организация христиан действительно обуславливалась возмущением и они получили свое начало от иудеев, которым было позволено поднимать даже оружие на защиту ближних и убивать врагов, то тогда законодатель христиан во всяком случае не запретил бы убийства человека и не стал бы учить своих учеников избегать даже такого насилия, которое вызвалось требованиями справедливости и направлялось на человека даже самого нечестивого (ведь он вообще считал недостойным

^[22] Цит. по: Burton Scott E. The Apostolic Tradition of Hippolytus. N. Y., 1934, P. 42.

^[23] Sulpicius Severus. Vita Martini. I. 1-5 // PL. T. XX. Col. 161-163.

для своих Божественных законов допускать какое бы то ни было убийство человека). Тогда и христиане, если бы только они были обязаны своим происхождением заговору, ни в каком случае не приняли бы столь умеренные законы, благодаря которым их стали убивать, как овец, и у них была отнята всякая возможность мстить своим гонителям»?^[25]

Итак, мы перечислили большое число известнейших учителей Церкви второго и третьего веков, и теперь хотели бы увидеть подобное представительство для доказательства идеи христианского милитаризма. Кто из ранних отцов Церкви мог с чистой совестью сказать, что христианам позволено убивать? До появления в четвертом веке Афанасия Великого, ставшего на путь оправдания преступного союза церкви с государством, никто из них не смог сказать ничего подобного. И при таком соотношении сил нас еще убеждают в том, что Ранняя Церковь не была пацифистской?

Однако когда же впервые появились христианские милитаристы, опиравшиеся на идею о «справедливой» войне? Это относится ко времени вступления на римский престол Константина Великого: уже в 312 году в битве на Мильвийском мосту христианские воины Христа впервые сражались с врагами императора под собственными знаменами.^[26] Правда, здесь под христианские знамена были поставлены не столько христиане, которых была лишь горстка в войске Константина, а неверующее большинство солдат. Иными словами, это

«христианское» войско было скорее номинальным и принудительным по своему характеру.

Правда, здесь обычно ссылаются на правила святителя Григория Неокеесарийского, которые составляют часть канонического наследия всей Христианской Церкви и относятся к 267 году н.э., когда готы вместе со скифами вторглись в Малую Азию. В то время государственная власть была языческой и христиане подвергались последовательным гонениям. В 8-м из этих правил говорится следующее:

«Аще некоторые сопричислились к варварам, и с ними, во время своего пленения, участвовали в нападении, забыв, яко были понтийцы и христиане, и ожесточась до того, что убивали единоплеменных своих или дровом, или удавлением, такожде указывали не ведущим варварам пути или дома: таковым должно преградити вход даже в чин слушающих, доколе что либо изволят о них, купно сошедшеся, святые отцы, и прежде их Дух Святый».^[27]

Христианские милитаристы убеждают всех в том, что данное правило было направлено против предательства, совершенного в военное время, однако оно осуждает не столько предательство, сколько убийство, поскольку в непосредственном виде не содержит призыва к войне с варварами. Хотя духовенство могло признать за отречение от Бога как совершение убийства, так и доносительство, по степени своей тяжести более вероятным следует признать все же первое.

^[24] Цит. по: Harnack A. *Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten.* Tubingen, 1905. S. 87.
^[25] Ориген. Против Цельса. Кн. 3. Гл. 7.
^[26] Eusebius. *Vita Constantini.* I. 26 seqq. Цит.

по: Eusebii Pamphili *Scripta historica.* Lipsiae, 1869. T. 2.
^[27] Святитель Григорий Неокеесарийский. 8-е правило.

Тем не менее, данному правилу противостоит вполне определенное заявление Василия Великого (330–379), относящееся к тому времени, когда римское государство стало «христианским». Так, 13-е правило этого отца Церкви гласит: «Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удерживались от приобщения токмо Святых Таин».^[28] По древнему церковному мнению, на которое ссылается здесь Василий Великий, не подлежали извинению за убийство на войне только монахи и священники, а сам он предлагает то, чтобы обычные христиане не просто воевали, но очищались от греха убийства только после трехлетнего воздержания от участия в Вечере Господней. Впрочем, само это правило наказания, в виду частых войн или же вероятности «законных» убийств в мирное время, не позволило бы христианским воинам участвовать в Вечере Господней какое-либо продолжительное время. Однако, с протестантской точки зрения, деление на мир и клир является ошибочным. Стало быть, пацифизм священников и монахов следовало отнести ко всем христианам. Поскольку же сделать это постконстантиновской Церкви не удалось, она предприняла ревизию этого правила, которую первым озвучил Афанасий Великий (ок. 298–373) в своем каноническом послании к монаху Аммуну: «Непозволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно и похвалы достойно. Таких великих

почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходных их деяния».^[29] Это же отношение видно также в истолковании данного правила византийским богословом Иоанном Зонарой и патриархом Антиохийским Феодором Вальсамоном. Вскоре после этого времени православное духовенство совершенно освободило христианских воинов от какой-либо вины и следующего за ней наказания за убийство на войне. С этого времени началось победоносное шествие христианского милитаризма, в том числе и по Руси. В последнем случае достаточно напомнить то, что преподобный Сергей Радонежский благословил на битву с монголами не только князя Дмитрия Донского, но и схимонахов Александра Пересвета и Андрея Ослябю.

Однако почему же Василий Великий считал убийство (да еще в войне на стороне «христианского» государства) пусть и искупаемым, но грехом? Напомним, что евангельское понятие «смертный грех» или «грех к смерти» было ему прекрасно известно, как и представление о «семи» смертных грехах, восходящее к Евагрию Понтийскому, христианскому богослову IV века, т.е. к его современнику. Если бы этому его заявлению не имелось пацифистского основания, сделать это он никогда бы не смог. Если же к этому правилу Василия Великого добавить и два других (5-е правило Григория Нисского, запрещающее принимать в клир лиц, совершивших вольное или невольное убийство, и 7-е правило Четвертого Вселенского Собора, исключаящее возможность

^[28] Правила Василия Великого. Правило 13. Цит. по: <http://krotov.info/acts/canons/0370vasi.html>

^[29] Послание Св. Афанасия Великого к Амуну монаху. Правило 1 / Правила Афанасия Великого, 2:355.

вступления на воинскую службу священнослужителям), то ситуация вырисовывается вовсе неблагоприятная для христианских милитаристов.

Оказывается, идеи пацифизма не исчезли с появлением «христианского» государства. Мало того, сам милитаризм приживался к христианству не без проблем даже тогда, когда получил всеобщее признание в среде ми-

Фока был византийским императором в период с 602 по 610 гг. н.э. Как же в столь отдаленное от апостольского время мог стоять вопрос об устранении от служения священников за участие в войнах?

Наконец, даже факт разномнений по этому вопросу среди первых христиан не может быть достаточным свидетельством в пользу того, что доктрина

«Убийство на войне отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мне кажется, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть хорошо было бы посоветовать, чтобы они, как имеющие нечистыя руки, три года только воздерживались от приобщения Святых Таин (Вечери Господней)». Василий Великий.

рян. Например, Феодор Вальсамон в своем комментарии к церковным канонам рассказывает о таком случае: «Когда император Фока потребовал, чтобы убиваемые на войне причислялись к мученикам, тогдашние архиереи, воспользовавшись этим правилом, заставили Царя отказаться от своего требования, говоря: “Каким образом мы причислим к мученикам, павших на войне, которых Василий Великий на трехлетие устранил от таинств, как имеющих нечистые руки?”. Когда же, по царскому приказанию, предстали пред собором различные священники, а также и некоторые епископы, и признались, что они участвовали в битве с неприятелями и убили многих из них, то божественный и священный собор, следуя настоящему правилу и сорок третьему того же святого и другим божественным постановлениям, хотел, чтобы они более не священнодействовали; но большинство и особенно те, которые были воинственны, настояли на том, что они даже достойны награды».

христианского пацифизма является ошибочной. Милитаризм более естественен человеческой эгоистичной природе, поэтому последняя была всегда провоцирующим его фактором, в том числе и в жизни христиан. С проблемой кажущихся новозаветных свидетельств о милитаризме, как мы уже говорили выше, первые христиане справлялись без каких-либо затруднений.

Теперь нам нужно выяснить следующий вопрос: «Первые христиане отказывались служить в армии по религиозным, или пацифистским убеждениям?» Если по религиозным, тогда со времени обращения Константина в христианство они вполне законным образом могли вступать в его армию. Если по пацифистским, тогда они не могли служить в армии даже при Константине. Здесь нам следует разобрать два вида исторических свидетельств: (1) воспринимали ли первые христиане пацифистские утверждения Иисуса Христа в их

буквальном виде и (2) имеются ли исторические свидетельства тому, что христиане отказывались от воинской службы или осуждали ее в постконстантиновский период церковной истории?

Как первые христиане толковали пацифистские утверждения Христа?

■ Среди обширной раннехристианской литературы мы практически не находим споров по вопросу того, как следует понимать пацифистские утверждения Иисуса Христа. Мало того, мы обнаруживаем полное молчание со стороны сторонников милитаристского истолкования этих слов и большое представительство противоположной точки зрения. Действительно, от ответа на вопрос о том, как понимали первые христиане известные пацифистские утверждения Иисуса Христа, зависит выяснение причины их отказа служить в армии — религиозной или пацифистской, хотя первая вполне могла включать в себя последнюю.

Приведем исторические доказательства тому, что ряд выдающихся отцов Ранней Церкви понимал эти утверждения в буквальном смысле. Например, Иустин Мученик в середине второго века писал по этому поводу следующее:

«Мы уже не просим вас наказывать обвинителей, ибо для них достаточно наказания в их собственной неправде и неведении истины... А о том, чтобы быть незлопамятными, услужливыми для всех и негневливыми, вот Его слова: “Ударившему тебя в щеку под-

ставь и другую, и кто берет у тебя рубашку или одежду, не препятствуй. Кто рассердится, тот повинен огню. Кто понудит тебя пройти версту, пройди с ним две. Пусть сияют добрые дела ваши пред человеками, чтобы они, видя их, прославляли Отца вашего, который на небесах”»^[30].

Во многих местах Иустин учит о том, что обещанное пророками царство Мессии, в котором мечи будут перекованы на орала, уже наступило в лице последователей Иисуса Христа.

Ему вторил его современник Афинагор Афинский:

«Я осмелился раскрыть пред вами наше положение, чтобы из этой речи вы узнали, что мы страдаем вопреки справедливости, вопреки всякому закону и здравому разуму, — и умоляю вас обратить сколько-нибудь внимания и на нас, чтобы, наконец, клеветники перестали подвергать нас смерти. Ибо не в том дело, что враги наши посягают на нашу честь или отнимают у нас какое-либо другое большее благо, — мы презираем эти блага, хотя для многих они кажутся достойными забот, так как мы научены не только бьющему не воздавать тем же и не судиться с теми, кто нападает на нас и грабит, но и подставлять для удара другую часть головы тем, кто ударит по щеке, и отдавать верхнее платье тем, кто отнимет нижнее. Но когда отдадим деньги, хотят лишить нас самой жизни, взводя на нас множество преступлений, которые и не приходили нам даже и на мысль, но скорее свойственны клеветникам нашим и им подобным»^[31].

Феофил в «Послании к Автолику» писал: «И чтобы мы были благорасположены не только к единоплеменникам, как думают некоторые, пророк Исаия

^[30] Иустин Мученик. Первая Апология. 7. 16.

^[31] Афинагор Афинский. Прошение о христианах. Гл. 1.

сказал: “Скажите ненавидящим и проклинаящим вас: вы братья наши, чтоб имя Господа прославлялось и являлось радости их”. И Евангелие говорит: “Любите врагов ваших, и молитесь за оскорбляющих вас. Ибо если вы любите любящих вас, какая вам награда? И мытари это делают” (см. Мф. 5:44–46)... Итак, смотри, — те, которые так учат, могут ли жить распутно и входить в незаконные совокупления, или, что всего безбожнее, есть человеческую плоть, особенно когда непозволительно нам смотреть даже на игры гладиаторов, чтобы нам не быть участниками и свидетелями убийства, не должно смотреть и на остальные зрелища, чтобы не осквернились наши глаза и уши, принимая участие в произносимых там словах»^[32]

В это же время жил и Ириней Лионский, который утверждал, что по учению Христа «изгоняется не только любодеец, но и желающий любодействовать, не только убийца виновен в убийстве другого к своему осуждению, но и гневающийся без причины на своего брата; Который заповедал не только не ненавидеть людей, но и любить врагов, не только не клясться ложно, но и просто не клясться, не только не говорить худого о ближних, но и не называть кого-либо рака и глупцом, иначе такие будут повинны геенне огненной, не только не ударять, но ударяемым подставлять и другую щеку, не только не отнимать чужой собственности, но и не требовать, если и своя отнимается, не только не истреблять ближних и не делать им какого-либо зла, но и обидимым быть великодушными и оказывать

благодарность к обижаящим и молиться за них, чтобы, покаявшись, могли спастись»^[33].

Следующая цитата Иринея выдает в нем убежденного пацифиста: «Когда именно закон свободы, т. е. Слово Божие, возвешенное во всю землю вышедшими из Иерусалима Апостолами, произвело столь великое превращение, что сами (народы) мечи и военные копья переделали на орала и изменили на серпы, на мирные орудия, данные для собирания хлеба, и уже не умеют сражаться, но, получив удар, подставляют и другую щеку, то не о другом ком сказали это пророки, но о Том, Кто сие совершил. Это — Господь наш, и на Нем (оказалось) истинным сказанное; потому что Он сделал орало и принес серп»^[34].

Здесь мы снова видим убеждение многих христиан в том, что предсказанная древними пророками мессиянская эра мира и уже наступила в лице Церкви Христовой.

Конец II века венчает следующее утверждение Климента Александрийского: «Если ему (христианину) причиняют несправедливость, обиду или зло, он не помнит о них. Никогда он не гневается и не питает вражды или нерасположения к кому бы то ни было, даже к тем, кто по делам своим вполне заслуживает такого отношения. Он помнит, что и его самого, и ближнего его сотворил один Бог; поэтому и в заблуждающемся человеке он чтит Творца; любит его как своего собрата по изгнанию, сожалеет о его неведении и молится о нем»^[35]. «Он повелевает нам и врагов любить, и тех благословлять, кто нас проклинаят,

^[32] Феофил. «Послании к Автолику». Гл. 14–15.

^[33] Ириней Лионский. Против ересей. Кн. 3. Гл. 32.

^[34] Ириней Лионский. Против ересей. Кн. 4. Гл. 34. Пар. 4.

^[35] Климент Александрийский. Строматы.

за тех молиться, кто нас обижают. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку».^[36]

Подобных утверждений у этого христианского автора большое множество.

Третий век открывает Тертуллиан своим решительным выступлением против участия христиан в войнах:

«Если кто старается насилием (manu) возбудить тебя, то существует в личности Господне наставление: “бьющему, — говорит, — тебя в лицо, обрати... и другую... щеку”. Изнеможет бесстыдство от твоего терпения... Каков бы ни был этот удар, соединенный со скорбью и поношением, еще сильнее он будет отражен от Господа. Ты больше поражаешь этого нечестивца терпением, ибо он будет наказан Тем, ради Которого ты терпишь. Если горечь языка извергает за собою злословие или брань, помысли о сказанном: “когда вас... злословят, радуйтесь!” (см. Мф. 5:12). Сам Господь стоял под клятвою закона, и, однако, Он один благословен (см. Гал. 3:15). Итак, мы рабы последуем за Господом, и будем терпеливо переносить злословие, чтобы быть нам убажваемыми»^[37].

Тот же Тертуллиан в защиту своего мнения обращается к доводам не только Христа, но и апостола Павла:

«Какое различие между вызвавшим (зло) и вызванным (на зло), как не то только, что тот сначала, а этот после возбуждается злом. Однако, и тот и другой повинен в оскорблении чело- века пред Богом, который все недо-

стойное и воспрещает, и осуждает.

В дурных действиях не имеет значения их порядковый счет; да и пространство не разделяет того, что сближает (внутреннее) сходство.

Поэтому безусловно предписывается, чтобы за зло не было воздаваемо злом (см. Рим. 12:21)... Каким образом можем верить, что Он есть Судья, если Он не есть и Каратель? Это Он Сам обещает нам, говоря: “Мне отмщение, и Я воздам” (см. Евр. 10:30), т. е. Мне — терпение и Я за терпение дам награду. Ибо когда говорит: “не судите, да... не... будете... судимы” (см. Мф. 7:1), то разве Он не требует терпения? Кто не будет осуждать другого, как не тот, кто будет иметь терпение не защищаться?»^[38].

«Если нам повелевается, как я сказал выше, любить врагов своих, то кого нам ненавидеть? Равным образом если нам воспрещается воздавать оскорблением за оскорбление, чтобы самим не быть оскорбителями, то кого мы можем оскорблять? Об этом вы сами можете знать. Ибо сколько раз вы свирепствовали против христиан то по собственному желанию, то из повиновения законам? Сколько раз враждебная к нам чернь, даже миновав вас, нападала на нас камнями и огнем по собственному произволу? В самые неистовства вакханальские не шадят христиан даже мертвых, так как вытаскивают их из гробов, некоторых убежищ смерти, уже иными, уже не целыми, так как их рассекают и разрывают на части. Однако слышали ли вы когда-либо о нас, которых вы считаете за толпу заговорщиков, решившихся на смерть за свое дело, чтобы мы мстили вам за все это?»^[39].

Кн. 7. Гл. 11.

^[36] Климент Александрийский, Педагог.

Кн. 3. Гл. 12.

^[37] Тертуллиан. О терпении. Гл. 8.

^[38] Там же.

^[39] Тертуллиан. Апология. Гл. 37.

Признает пацифистский смысл слов Христа и Киприан Карфагенский, когда пишет в своей книге «К Деметриану» следующее:

«Оттого-то никто из наших не сопротивляется, когда его берут, и сам не мстит за несправедливое с вашей стороны насилие; хотя народ наш весьма значителен и многочислен: нас делает терпеливыми уверенность в имеющем последовать отмщении.

собранного братства, не слышит проповедующих епископов. В такое время не могут оставаться все вместе те, которым не позволено убивать, но быть убиваемыми необходимо... Вооружимся же, возлюбленные братья, всеми силами и подготовимся к бою мыслью непорочную, верую чистую, добродетелью совершенную. Да изыдут воины Божий на сражение, которое нам указывается. Да вооружатся непорочные, чтобы не погубить

«Если бы все те, кто сознают, что они люди не по телесному виду, а по разумности, захотели в какой-то степени внять Его спасительным и умиротворяющим заповедям, и ...не верили более своим чувствам, чем Его наставлениям, то давно уже весь мир, обратив употребление железа на более мирные занятия, жил бы вполне тихо и спокойно и находился бы в спасительном взаимном согласии, свято и ненарушимо соблюдая договоры».

Невинные уступают виновным; беспорочные спокойно переносят казни и страдания: мы не сомневаемся и уверены, что не останется без отмщения все, что мы терпим: даже, чем более будет несправедливости в преследованиях, тем справедливее и тяжелее будет возмездие за преследования, и никогда преступное восстание нечестия против нашего имени не останется без того, чтобы за ним тотчас же не последовало мщение свыше».^[40]

В другом своем сочинении Киприан утверждает:

«И никто, возлюбленные братья, видя народ наш разбегающимся и рассеивающимся от страха гонения, да не смущается тем, что он не видит

непорочности, которую недавно соблюдали. Да вооружатся и падшие, чтобы возвратить то, что они потеряли. Непорочных честь, падших скорбь да призывает к бою. А как вооружаться и готовиться, научает нас блаженный апостол Павел, говоря: потому что наша брань не против крови и плоти...»^[41].

Даже в IV веке христианские пацифисты несколько не исчезают, но продолжают свое свидетельство:

«Так как мы, составляющие такое множество людей, усвоили из Его наставлений и заповедей то, что не должно воздавать злом за зло, что лучше перенести, нежели нанести обиду, что предпочтительнее свою кровь пролить, нежели чужой запятнать руки и совесть, то неблагодарный мир уже давно облагодетельствован Христом, благодаря Которому дикая ярость смягчилась и начала удержи-

^[40] Киприан Карфагенский. К Деметриану. Цит. по: http://azbyka.ru/otechnik/?Kiprian_Karfagenskij/kniga-k-demetrianu

^[41] Киприан Карфагенский. Письмо к фива-ретянам с увещанием к мученичеству.

вать руки врагов от пролития крови родственных существ. И если бы все те, кто сознают, что они люди не по телесному виду, а по разумности, захотели в какой-то степени внять Его спасительным и умиротворяющим заповедям, и если бы они, вследствие гордости и высокомерного превозношения, не верили более своим чувствам, чем Его наставлениям, то давно уже весь мир, обратив упот-

отказавшихся от оружия, было много мучеников, из которых до нас дошли лишь имена Максимилиана, Марцелия и Кассана. И, конечно, совершенно пацифистским является следующее утверждение Лактанция:

«Так вот, не подобает, чтобы очевидцами и сообщниками такого публичного убийства были те, кто стремится держаться дороги справедливости. Ведь когда Бог запретил убивать,

---

«Итак, разумному и доброму мужу не подобает воевать и подвергать себя опасности, ибо побеждать не в нашей власти и исход всякой борьбы сомнителен, но ...подобает уничтожать не противника, что не может происходить без преступления и без риска, но саму борьбу». Лактанций

ребление железа на более мирные занятия, жил бы вполне тихо и спокойно и находился бы в спасительном взаимном согласии, свято и ненарушимо соблюдая договоры»^[42].

Однако наиболее сильным свидетельством о христианском пацифизме является свидетельство Лактанция (жившего в VI веке), который отвергает сам принцип насилия в христианстве:

«Итак, разумному и доброму мужу не подобает воевать и подвергать себя опасности, ибо побеждать не в нашей власти и исход всякой борьбы сомнителен, но разумному и хорошему человеку подобает уничтожать не противника, что не может происходить без преступления и без риска, но саму борьбу, чего можно добиться с пользой и по справедливости. Итак, обладать терпимостью является высшей добродетелью»^[43].

Неудивительно, что среди христиан,

Он не только удерживал нас от разбоя, заниматься которым и общественными законами запрещено, но увещевал также, чтобы мы не совершали и того, что у людей считается дозволенным. Так, праведнику нельзя служить в армии, ибо он служит справедливости, и даже нельзя выносить кому бы то ни было смертный приговор, [т. е. нельзя быть судьей], ибо нет никакой разницы, убиваешь ли ты мечом или словом, поскольку запрещено уже само убийство. Итак, из этого предписания Бога нельзя делать никакого исключения. В самом деле, убивать человека — всегда великое злодеяние, ведь Бог восхотел, чтобы человек был неприкосновенным живым существом»^[44].

Число подобных свидетельств можно легко увеличить, но и приведенных достаточно для того, чтобы иметь возможность сравнить их с полным отсутствием в трудах ранних отцов

^[42] Арнобий. Против язычников. Кн. 1. Гл. 4 и 6.

^[43] Лактанций. Божественные установления.

Кн. 6. Гл. 8.

^[44] Там же. — Кн. 5. Гл. 20.

Церкви сугубо милитаристских утверждений, появившихся значительно позже апостольского времени. Редкие и перемешанные с благочестивым вымыслом указания на то, что в римской армии третьего века были христиане, объясняются компромиссами с христианской верой, а не повсеместным обычаем. Стало быть, мнение Копела о том, что в римском войске первых двух веков нашей эры служили христиане, а также, что истоки христианского милитаризма следует искать в самом Новом Завете, является ошибочным и не отвечающим исторической реальности. Если бы в это время среди христиан в данном вопросе был разброд и разногласия, тогда христианам-воинам непременно пришлось бы казнить христиан-пацифистов, что неизбежно привело бы к обострению военного вопроса в церковной среде. Однако в реальности никаких споров на эту тему в христианской церкви первых трех веков мы не наблюдаем.

Существовали ли христианские пацифисты после Константина?

■ Теперь нам следует выяснить, были ли пацифисты в константиновский период милитаризации христианства. Действительно, если пацифизм был господствующей доктриной Ранней Церкви даже до Константина, тогда совершенно исключается, чтобы со стороны его представителей возникло какое-либо возражение доктрине «справедливой войны», ставшей официальной в постконстантиновском христианстве. И все же, такие возражения мы действительно находим, причем даже в лице возникшего в это же время монашества. Некоторые александрийские епископы

(напр. Афанасий Великий), а за ними донатисты мирного крыла выступали против объединения церкви и государства, имевшего место при Константине. При этом, мы понимаем, что принципом отделения являлось отнюдь не то, что власть оставалась языческой. Но тогда что? Следует полагать, пацифистские убеждения основной части верующих, живших при Константине.

Материальные привилегии, приведшие в церковь массу невозрожденных людей, конечно, ослабляли силу христианской веры и свидетельства, но основной причиной было то, что в духовных вопросах верующие становились под контроль светских властей. Следовательно, происходило закабаление христианства государством, преследующим не только далекие от христианства цели, но и прямо несовместимые с ним, как говорил апостол Павел, «наша брань не против плоти и крови» (Еф. 6:12).

Иными словами, нам следует признать невозможность сотрудничества церкви и государства именно по вопросу о главенстве власти в духовных вопросах. Это значит, что государство и церковь преследуют различные не только цели, но и средства их достижения: государство принуждает (в том числе и верить), а церковь этого не может делать. Поэтому основным различием между верой и властью следует признать принцип насилия. Именно этот принцип насилия, воспринятый от государства церковью, воздвиг гонение на всех несогласных с официальной позицией последней, в частности, и по военному вопросу. Поэтому данное обстоятельство ограничивает нас в возможности приведения сугубо пацифистских свидетельств после того, как христианство

стало на путь преследования не только язычников, но и инакомыслящих христиан.

Выше мы уже отмечали, что те, кого считают первыми христианскими милитаристами, на самом деле были либо еще лишь прозелитами, как Пахомий Великий, либо тайными учениками, как Евстафий, если он действительно является исторической личностью. Неоспоримым является факт, что специально на воинскую службу в армию никто из первых христиан не поступал, но допускалось пацифистское присутствие в армии тех христиан, которые стали таковыми после того, как они стали военно-обязанными. Несмотря на это, множество христиан оставляло службу в римской армии, как только начинались военные события. Неслучайно, Питер Брок в своем исследовании средневекового пацифизма^[45] отмечает, что «еще в V веке мы находим примеры, когда христиане отказывались носить оружие, так как, подобно Мартину Турскому, они считали, что его применение противоречит их вере».

Что касается гипотетического «развития» христианского учения о допустимости войн, то оно маловероятно, поскольку в пользу христианского пацифизма высказывается целый ряд отцов Церкви постконстантиновского времени, в частности четвертого века, когда еще не была сформулирована и богословски оправдана милитаристская концепция христианства. Например, Федор Мопсуестийский, который, комментируя фрагмент Мф. 5:21-26, утверждал, что «ненавидящий

подобен убийце»^[46], что полностью совпадает и с другим новозаветным свидетельством: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1 Ин. 3:15).

В последней цитате важно подчеркнуть то, что пацифизм является признаком возрождения и ничем не менее*. Таким образом, мы видим, что ситуация, когда можно любя убить человека, в христианском моральном учении и практике полностью исключалась. Даже если этот запрет убивать относить лишь к брату, но не к врагу, то и в таком случае это полностью исключало участие христиан в гражданских войнах, не говоря уже о религиозных (христианских). Однако на самом деле ненависть не знает ни личных, ни национальных, ни каких-либо иных границ. На практике, зачастую, именно личные обиды выливались в гражданские и интернациональные войны, которые обычно развязываются отдельными правителями, а не их народами.

Иоанн Златоуст так комментировал текст Мф. 5:38-48: «Итак, что же ты скажешь: неужели нам не следует противиться злему? Следует, но не так, а как повелел Сам Господь, т.е. готовностью терпеть зло. Ибо так ты действительно победишь его. Ведь огонь гасят не огнем, а водой»^[47]. «Господь говорит, что даже, когда ты отдашь врагу и верхнюю, и нижнюю одежду, и даже если он захочет подвергнуть страданиям и тяготам твое обнаженное тело, ты не должен ему противиться»^[48].

^[45] См. Brock P. Varieties of Pacifism: A Survey from Antiquity to the Outset of the Twentieth Century. Syracuse (New York), 1998.

^[46] Цит. по: Библейские комментарии Отцов Церкви и других авторов I-VIII веков,

Новый Завет. — Т. 1а. — С. 126.

* Это мнение исключительно автора данной статьи. (Прим. ред.).

^[47] Гомилии на Евангелие от Матфея, 18.1. цит. по: там же, с. 148-149.

Подобным образом мыслил и западный отец Церкви Иларию Пиктавийский:

«Закон требовал любить ближнего, но позволял ненавидеть врага. Вера же предписывает любить врагов и действием любви ко всем сокрушает дерзкие устремления человеческого ума. Она не только сдерживает от мщения гнев, но смягчает его, претворяя в любовь к обидчику, поскольку только язычникам свойственно любить любящих их и заботиться о заботящихся»^[49].

Все эти высокие духовные лица четвертого века осмелились возражать мнению Афанасия Великого и Амвросия Медиоланского.

Стало быть, и постконстантиновские отцы Церкви понимали данные слова Иисуса Христа как запрет не просто против принесения клятв, или поклонения кесарю, но и как запрет против убийства других людей. И хотя они отказывались нести воинскую службу не только по этой причине, последняя все же присутствовала в числе всех остальных, хотя и в смешанном виде. Это объясняет, почему в качестве причины отказа от несения воинской службы первые христиане не всегда ссылались только на пацифистскую причину. В любом случае, они не могли истолковать сугубо пацифистские утверждения Иисуса Христа о любви к врагам и о прощении ненавидящих в каком-либо ином смысле. Поэтому бремя доказательств обратному положению должно быть возложено на христианских милитаристов.

Первым, кто высказал сугубо милитаристские идеи, был бывший военный,

Амвросий Медиоланский. Он первым решил совместить обе непримиримые между собой социальные концепции Церкви — пацифистскую и милитаристскую, как высшую и низшую. Он заявил, что служение Богу смирением и молитвами выше в нравственном отношении, чем служба воина, однако это высшее поприще предназначено не для простых христиан, но для духовенства, которому не пристало участие в земных битвах. В трактате «О христианской вере» Амвросий пишет:

«Как может Римское государство спастись от нападения?... Не знаки и орлы должны вести армию в бой, но Твое имя и вера, о Иисус»^[50]. В другом своем труде «Об обязанностях духовенства» Амвросий приводит многочисленные примеры из Ветхого Завета, когда древние иудеи были вынуждены вести «справедливые» войны^[51].

Богословское обоснование участия христиан в войнах дал Аврелий Августин, впервые применивший физические репрессии к донатистам, что стало стандартным отношением и ко всем остальным христианским неконформистам. Вскоре император Феодосий II издал указ о том, чтобы в армию набирали воинов только из числа христиан. Таким образом, с 438 года римская армия стала состоять исключительно из христиан. Начавшиеся вскоре преследования различного рода еретиков (павликиан, альбигойцев, вальденсов и др.), ставили последних вне закона. С этого времени пацифистские утверждения в ранней патристике сходят на нет,

^[48] Иоанн Златоуст. Гомилии на Евангелие от Матфея, 18.3 / цит. по: там же, с. 149.

^[49] Иларию Пиктавийский, Комментарий на Евангелие от Матфея, 4.27 / цит. по: там же,

с. 154.

^[50] Ambrosius Mediolanensis. De fidei Christiana. II. 16 // PL. T. XVI. Col. 587-590.

^[51] Там же, De officiis // PL. T. XVI. Col. 25-194.

предоставляя в наше распоряжение лишь доказательства воинствующей не по-христиански церкви.

Заключение

■ Итак, мы вынуждены констатировать факт преобладания пацифистской позиции в Ранней Церкви доконстантиновского времени. И даже если признать, что первые христианские милитаристы (не пацифистски настроенные воины мирного времени) возникли в середине третьего века, все равно разрыв в двести лет остается, и его никак невозможно устранить оппонентам позиции христианского пацифизма. Многие лица, кого принято считать первыми сторонниками идеи христианского милитаризма, в действительности были либо тайными учениками, либо просто приближенными к христианству лицами, но крещение они получали на условии полного согласия с пацифистскими требованиями, правда, не всегда исключаящими саму воинскую службу.

В качестве крайне допустимой уступки признавалась возможность служения в полицейских войсках, осуществляющих лишь предупредительные меры по отношению к преступникам и осуществляющих свои функции в сугубо мирное время. Наконец, некоторое

время пацифистские убеждения продолжали существовать вместе не только с этими оппортунистическими, но и вскоре возникшими милитаристскими, пока последние не стали насаждаться принудительным образом. Таким образом, первоначальный христианский пацифизм был постепенно смещен с занимаемых им позиций и замене на христианский милитаризм. Впрочем, это нельзя назвать полной заменой, а лишь смещением, поскольку пацифизм сохранил свои позиции в среде монахов и священников.

Все эти выводы свидетельствуют о том, что идея христианского пацифизма отнюдь не явилась какой-то временной и случайной вспышкой еретического учения, но коренится в моральном учении Иисуса Христа, тщательно сохраняемом Его последователями до тех пор, пока Раннюю Церковь не возглавили лица, желавшие заменить первохристианскую идею о непринудительности веры государственной идеей принуждения, в том числе и в вопросах веры. Воцарившаяся после этого в ней нетерпимость к инакомыслию, лишила первохристианский пацифизм своего признания, заставив его уйти глубоко в подполье, чтобы выйти на свет в более благоприятное время.

Библиография

- A Dictionary of Early Christian Beliefs, ed. by D.W. Bercot (Peabody, MA: Hendrickson, 1998).
- Cahill L., Love Your Enemies: Discipleship, Pacifism, and Just War Theory (Minneapolis: Fortress Press, 1994).
- Charles J.D., Between Pacifism and Jihad (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2005).
- Geoffrey Nuttall, Christian Pacifism in History (Berkeley, Calif.: World Without War Council, 1971).
- John Cadoux, The Early Christian Attitude to War (N.Y.: Seabury Pr., 1982; 1st pub. 1919), PP. 228-229).
- Hunter D.G., The Christian Church and the Roman Army in the First Three Centuries in: The Church's Peace Witness, ed. by M.E. Miller and B.N. Gingerich (Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1994).
- Roland H. Bainton, Christian Attitudes toward War & Peace: A Historical Survey and Critical Reevaluation (Nashville, Tenn.: Abingdon Pr., 1960).
- William R. McGrath Why we are conscientious objectors to war? (Edgewood Press, 1980).